

Ссылка для цитирования этой статьи:

Гасанова З.Г., Багатыров А.М. Уголовно-процессуальное принуждение в российском уголовном судопроизводстве: пределы допустимости и гарантии прав личности // Human Progress. 2026. Том 12, Вып. 3. С. 24. URL: http://progress-human.com/images/2026/Tom12_3/Gasanova.pdf DOI 10.46320/2073-4506-2026-3a-28.

УДК 343.1

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРЕДЕЛЫ ДОПУСТИМОСТИ И ГАРАНТИИ ПРАВ ЛИЧНОСТИ

Гасанова Замира Гаджимурадовна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Юридический институт,
Дагестанский государственный университет
г. Махачкала, Российская Федерация

Багатыров Ахмедхан Магомедтагирович

магистрант,
Юридический институт,
Дагестанский государственный университет
г. Махачкала, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется уголовно-процессуальное принуждение как система предусмотренных законом средств, с помощью которых обеспечивается производство по уголовному делу при одновременном ограничении конституционных прав личности. Рассматриваются задержание подозреваемого, меры пресечения, судебный контроль, домашний арест, запрет определенных действий и наложение ареста на имущество. Особое внимание уделено вопросу о том, какие обстоятельства должны подтверждать необходимость вмешательства и почему ссылка на сам факт уголовного преследования не может считаться достаточной. Обосновывается вывод о том, что допустимость процессуального принуждения определяется не только наличием формального основания в УПК РФ, но и проверкой реального процессуального риска, индивидуальных обстоятельств дела, соразмерности ограничения и сохранения необходимости меры на протяжении времени ее действия. Предлагается уточнить в уголовно-процессуальном законе момент фактического задержания, закрепить общий стандарт минимально необходимого ограничения, усилить требования к

судебной мотивировке и конкретизировать правила применения имущественных ограничений.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовно-процессуальное принуждение, меры пресечения, задержание подозреваемого, заключение под стражу, домашний арест, запрет определенных действий, арест имущества, судебный контроль, права личности.

Введение

Уголовно-процессуальное принуждение появляется в уголовном деле не потому, что государству необходимо продемонстрировать властное превосходство над участником процесса. Его практический смысл иной: обеспечить расследование и судебное разбирательство тогда, когда добровольного исполнения процессуальных обязанностей недостаточно. Подозреваемый или обвиняемый может не являться по вызову, пытаться повлиять на свидетелей, скрыть документы, уничтожить цифровые следы, продолжить противоправное поведение. При таких обстоятельствах уголовный процесс не способен ограничиться одними уведомлениями, вызовами и разъяснениями прав.

Однако именно здесь возникает наиболее сложный правовой узел. Принуждение применяется до признания лица виновным вступившим в законную силу приговором. До разрешения вопроса о виновности человек уже может быть задержан, изолирован, ограничен в передвижении, лишен возможности пользоваться средствами связи, распоряжаться имуществом или свободно общаться с определенными лицами. Поэтому уголовно-процессуальное принуждение нельзя сводить к «служебному» инструменту следствия. Оно затрагивает свободу, личную неприкосновенность, частную жизнь, собственность, а значит, требует самостоятельной проверки пределов допустимости.

Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого на свободу и личную неприкосновенность; арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению [1]. В УПК РФ соответствующее регулирование сосредоточено в разделе IV, где последовательно раскрываются задержание подозреваемого, меры пресечения и иные меры процессуального принуждения [2]. Уже такое построение Кодекса показывает: законодатель рассматривает принуждение как особый институт, а не как побочный элемент предварительного расследования. Это не наказание и не мера уголовной ответственности. Его назначение состоит в обеспечении производства по делу, но только в тех пределах, которые выдерживают проверку законом и конституционными гарантиями.

Ранее в научной литературе обоснованно обращалось внимание на то, что публичный интерес в уголовном судопроизводстве нельзя отождествлять с интересом стороны обвинения

в применении наиболее строгой меры. Настоящая статья развивает данный тезис применительно ко всему институту уголовно-процессуального принуждения. Ключевой вопрос состоит не в том, вправе ли государство применять принудительные средства вообще. Такое право прямо предусмотрено законом. Существеннее другое: какие фактические и юридические условия отделяют правомерное обеспечение уголовного судопроизводства от избыточного ограничения свободы, собственности и частной жизни.

Материалы и методы

Нормативную основу исследования составили Конституция РФ, УПК РФ, Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», а также Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ, которым были изменены положения УПК РФ о запрете определенных действий, залоге и домашнем аресте [1], [2], [3], [4]. Для анализа судебных гарантий использованы разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ и ходатайств о производстве следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан [5], [6]. Отдельное значение имеют правовые позиции Конституционного Суда РФ по вопросам заключения под стражу, домашнего ареста и наложения ареста на имущество [7], [8], [9].

Доктринальная база исследования включает работы о природе уголовно-процессуального принуждения, судебном порядке избрания мер пресечения, фактическом задержании, запрете определенных действий, домашнем аресте и имущественных ограничениях в уголовном процессе. Методологически статья опирается на формально-юридический анализ, сопоставление нормативных конструкций и судебных позиций, а также критическую оценку действующего регулирования с точки зрения гарантий прав личности.

Результаты и обсуждение

Статья 6 УПК РФ задает для уголовного судопроизводства двойную рамку: оно должно защищать права и законные интересы лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и одновременно охранять личность от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод [2]. Для института процессуального принуждения это положение имеет не декларативное, а рабочее значение. Если из него исключить вторую часть, предварительное расследование легко превращается в сферу, где любое ограничение объясняется удобством доказывания или тяжестью предъявленного обвинения.

В.А. Азаров связывает природу уголовно-процессуального принуждения с публичным началом уголовного процесса, указывая, что «основой уголовно-процессуального

принуждения безусловно является публичность» [10, с. 16]. С этим тезисом трудно спорить в части источника властного полномочия. Государство применяет принуждение именно потому, что уголовное судопроизводство не является частным спором равных субъектов. Но публичность сама по себе не отвечает на вопрос о мере допустимого вмешательства. Она объясняет, почему принуждение возможно, но не освобождает суд, следователя и дознавателя от проверки необходимости, соразмерности и индивидуализации.

Поэтому в анализе следует разводить основание и предел процессуального принуждения. Основание показывает, почему уголовно-процессуальный закон допускает вмешательство в сферу прав личности. Предел определяет, насколько далеко это вмешательство может зайти по конкретному делу. Когда эти категории смешиваются, ссылка на интересы расследования начинает восприниматься как самостоятельный аргумент в пользу любой меры. Такой подход расходится с логикой УПК РФ: даже при наличии подозрения или обвинения необходимо установить процессуальный риск, а не просто сослаться на уголовно-правовую квалификацию содеянного.

Наиболее отчетливо эта проблема проявляется при избрании мер пресечения. В статье 97 УПК РФ названы риски, с которыми связывается возможность применения меры: сокрытие от дознания, следствия или суда, продолжение преступной деятельности, угрозы участникам процесса, уничтожение доказательств либо иное воспрепятствование производству по делу [2]. Статья 99 УПК РФ требует учитывать не только тяжесть преступления, но и сведения о личности, возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства. Закон, таким образом, не допускает автоматической связки «тяжкое обвинение — строгая мера». Он требует индивидуальной оценки. На практике именно эта оценка часто оказывается наиболее уязвимым элементом судебной мотивировки.

Судебный порядок избрания наиболее строгих мер пресечения должен служить барьером против такого автоматизма. О.Г. Иванова характеризует меры пресечения, избираемые судом, как «наиболее строгие меры уголовно-процессуального принуждения» [12, с. 19]. Эта характеристика важна не только для классификации. Из нее вытекает повышенный стандарт обоснования: чем интенсивнее вмешательство в личную свободу, тем конкретнее должны быть доводы ходатайства и мотивы судебного решения.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 раскрывает порядок судебной проверки действий и решений органов предварительного расследования, способных причинить ущерб конституционным правам участников процесса [5]. Данный механизм не исчерпывается последующим обжалованием уже совершенного действия. Его значение шире: он закрепляет идею судебного контроля как проверки не одной лишь

процессуальной формы, но и реального воздействия решения на права участника уголовного судопроизводства.

Сходную функцию выполняет Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19, посвященное ходатайствам о производстве следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан [6]. Не всякое принудительное воздействие помещено в главы УПК РФ о задержании и мерах пресечения. Обыск, выемка, контроль переговоров, получение информации о соединениях, иные следственные действия могут существенно затрагивать жилище, тайну связи, частную жизнь и имущественную сферу. Поэтому критерии законности, необходимости и судебной проверяемости должны применяться ко всему массиву процессуального вмешательства, а не только к заключению под стражу.

Особое место занимает задержание подозреваемого. Формально УПК РФ регулирует основания задержания, порядок составления протокола, сроки и права задержанного. Но самая проблемная стадия часто предшествует надлежащему процессуальному оформлению. Речь идет о фактическом ограничении свободы, когда лицо уже не может свободно уйти, однако протокол еще не составлен, статус не оформлен, а момент начала исчисления сроков становится предметом спора.

С.Б. Россинский, рассматривая фактическое задержание через институт *in flagranti delicto*, делает вывод, что оно «не предполагает ни уголовно-процессуальной, ни административно-правовой» природы [11, с. 168]. Эта позиция ценна тем, что фиксирует разрыв между реальным принуждением и его юридическим описанием. Вместе с тем признание фактического задержания внепроцессуальным явлением способно усилить неопределенность. Для лица, фактически лишено свободы, вопрос о «природе» задержания не является абстрактным: от него зависят сроки, доступ к защитнику, уведомление близких и возможность последующей проверки.

Более предпочтительным представляется подход, при котором начало действия гарантий связывается с моментом фактического ограничения свободы. Если должностное лицо фактически лишило человека возможности свободно передвигаться, задержание уже состоялось в материальном смысле. С этого момента должны исчисляться сроки, обеспечиваться доступ к защитнику, фиксироваться основания и обстоятельства задержания, а также создаваться возможность последующей судебной оценки. Иной подход оставляет между реальным принуждением и процессуальной защитой промежуток, плохо совместимый с конституционной гарантией личной свободы.

Заключение под стражу по-прежнему остается наиболее интенсивной мерой пресечения. Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» показывает, что речь идет не о кратковременном обеспечении явки к следователю или в суд, а о режиме изоляции, затрагивающем передвижение, общение, свидания, переписку, быт и социальные связи лица [3]. Поэтому при решении вопроса о заключении под стражу суд должен оценивать не отвлеченную «строгость» меры, а ее реальное воздействие на жизнь конкретного человека.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 22 марта 2005 г. № 4-П исходил из необходимости реальной судебной проверки оснований содержания под стражей и недопустимости автоматического продления этой меры [7]. Данная позиция сохраняет практическую значимость. Обстоятельства, которые могли убедительно обосновывать изоляцию на начальной стадии расследования, не обязательно сохраняют силу позднее. После изъятия документов, допроса ключевых свидетелей, назначения экспертиз и отсутствия нарушений со стороны обвиняемого прежняя мотивировка не должна воспроизводиться как готовый шаблон.

Н.А. Андроник предлагает оценивать эффективность мер пресечения через «минимально необходимый уровень ограничения прав» [13, с. 66]. Такой подход точнее отражает обеспечительный характер меры пресечения. Заключение под стражу действительно во многих случаях надежнее подписки о невыезде, но надежность сама по себе не равна правомерности. В уголовном процессе эффективной должна считаться не максимально жесткая мера, а та, которая позволяет нейтрализовать конкретный риск без избыточного вмешательства.

Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ расширил инструментарий суда за счет запрета определенных действий и уточнения правил о залоге и домашнем аресте [4]. Законодательная идея состояла в том, чтобы между подпиской о невыезде и заключением под стражу появились более гибкие варианты реагирования. Если риск связан, например, с контактами с определенными лицами или использованием средствами связи, изоляция не всегда является единственным допустимым решением.

О.И. Андреева, О.А. Зайцев и А.Ю. Епихин рассматривали запрет определенных действий как средство, позволяющее применять принуждение «без существенных ограничений» по сравнению с более строгими мерами [14, с. 225]. В этой оценке отражен потенциал новой меры. Но потенциал и реальная практика не совпадают автоматически. М.Д. Филимонова отмечает, что «заключение под стражу в количественном соотношении занимает лидирующее положение» [15, с. 131]. Следовательно, проблема состоит не только в наличии

альтернативных мер в законе, но и в готовности правоприменителя подробно обосновывать, почему именно такая мера достаточна либо недостаточна.

Запрет определенных действий требует точной судебной настройки. Запрет пользоваться средствами связи оправдан тогда, когда именно связь создает риск давления на свидетелей, координации с соучастниками или уничтожения цифровых следов. Запрет выходить из помещения в определенное время должен быть связан с конкретным процессуальным риском, а не использоваться как облегченная форма домашнего ареста. Запрет общения с участниками дела также нуждается в определенности: судебное решение должно позволять понять, с кем именно запрещено общаться, распространяется ли запрет на не прямые контакты и какие исключения сохраняются для реализации права на защиту, получения медицинской помощи и решения бытовых вопросов.

Домашний арест занимает промежуточное положение между изоляцией в следственном изоляторе и более мягкими мерами, но это не делает его нейтральным ограничением. А. О. Каштанова указывает, что современный домашний арест характеризуется «изоляцией подозреваемого или обвиняемого от общества» [16, с. 142]. Для лица, которое работает, проходит лечение, содержит семью либо ухаживает за родственниками, такая изоляция может иметь серьезные последствия. Поэтому домашний арест не следует воспринимать как бесспорную «гуманную» замену заключению под стражу: он также нуждается в проверке необходимости и соразмерности.

Постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2018 г. № 12-П подчеркивает значение определенности правового режима домашнего ареста [8]. Судебное решение должно устанавливать не только сам факт избрания меры, но и фактический режим ее исполнения: место нахождения лица, допустимые выходы, способы связи с защитником, следователем, судом и медицинскими организациями. Если эти параметры не определены судом, реальный объем ограничения начинает зависеть от последующего толкования контролирующего органа, что снижает качество судебной гарантии.

Наложение ареста на имущество затрагивает уже не личную свободу, а имущественную сферу, однако его тяжесть не следует недооценивать. Для обвиняемого, членов его семьи, собственника имущества или юридического лица арест может означать блокирование счетов, невозможность распоряжаться жильем, срыв предпринимательской деятельности, трудности с выплатой заработной платы и исполнением гражданско-правовых обязательств. Общая ссылка на необходимость обеспечения гражданского иска или возможной конфискации не решает вопрос о допустимости такого вмешательства.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 21 октября 2014 г. № 25-П обратил внимание на необходимость правовой определенности при наложении ареста на имущество, особенно когда оно принадлежит лицам, не являющимся подозреваемыми или обвиняемыми [9]. Эта позиция принципиальна для защиты третьих лиц. Уголовное дело не должно создавать режим произвольного блокирования активов без проверки принадлежности имущества, его связи с предполагаемым преступлением и соразмерности ограничения размеру возможного взыскания.

В.Б. Искандиров связывает судебный контроль при аресте имущества с «правозащитной, правовосстановительной и превентивной» функциями [17, с. 17]. Такой подход позволяет точнее определить роль суда. Суд не просто санкционирует обеспечительную меру по ходатайству следствия. Он должен сохранить возможность возмещения вреда потерпевшему и одновременно предотвратить чрезмерное вмешательство в право собственности обвиняемого или третьих лиц.

Из анализа следует, что пределы допустимости уголовно-процессуального принуждения складываются из нескольких элементов. Первый элемент — законная цель. Мера может применяться для обеспечения явки, предупреждения давления на участников процесса, сохранения доказательств, обеспечения исполнения приговора или возмещения вреда. Она не должна использоваться как предварительное наказание, средство психологического воздействия либо демонстрация строгости уголовной политики.

Второй элемент — фактическая основа риска. Риск скрыться не должен выводиться только из тяжести обвинения. Нужны данные о поведении лица: попытках уклонения, нарушении ранее избранной меры, подготовке к выезду, отсутствии устойчивых социальных связей. Риск воздействия на свидетелей предполагает сведения о зависимом положении свидетеля, угрозах, контактах, служебном или семейном влиянии. Риск уничтожения доказательств требует ответа на более конкретный вопрос: какие доказательства еще не получены и имеет ли лицо реальную возможность на них повлиять.

Третий элемент — индивидуализация. Два обвиняемых по одной статье могут находиться в существенно разных процессуальных ситуациях. Один добровольно явился, имеет постоянное место жительства и не нарушал процессуальных обязанностей. Другой скрывался, воздействовал на свидетелей или пытался уничтожить документы. Одинаковая квалификация не означает одинаковый объем принуждения. Если суд не различает эти ситуации, мера фактически начинает определяться не поведением лица, а тяжестью обвинения.

Четвертый элемент – проверка менее строгих мер. Судебный акт не должен ограничиваться формулой о невозможности применения иной меры. Необходимо объяснить, почему подписка о невыезде, залог, запрет определенных действий или домашний арест не способны нейтрализовать установленный риск. Без такого анализа заключение под стражу выглядит не как исключительная мера, а как привычный способ процессуального обеспечения.

Пятый элемент – проверка меры во времени. Принуждение не может сохраняться только потому, что ранее оно уже было признано допустимым. Расследование меняет фактическую ситуацию: одни доказательства закрепляются, свидетели допрашиваются, документы изымаются, часть рисков ослабевает или исчезает. Продление меры должно опираться на обновленную оценку обстоятельств, а не на механическое повторение прежних формулировок.

Совершенствование законодательства целесообразно начинать не с дальнейшего расширения перечня мер, а с закрепления общего стандарта их применения. В разделе IV УПК РФ следует прямо указать, что мера процессуального принуждения допустима только при наличии законной цели, подтвержденного процессуального риска, невозможности достижения этой цели менее строгим способом и соразмерности ограничения обстоятельствам конкретного дела. Такое правило не будет простым повторением конституционных положений. Оно задаст единый критерий для задержания, мер пресечения и иных форм процессуального вмешательства.

Отдельного уточнения требует задержание. УПК РФ следует прямо связать начало действия процессуальных гарантий с моментом фактического ограничения свободы, а не только с последующим составлением протокола. Это позволит точнее исчислять сроки задержания и уменьшит пространство для спорных ситуаций, когда человек уже лишен свободы, но формально еще не считается задержанным.

Для мер пресечения необходимо усилить требования к судебной мотивировке. В постановлении должны быть отражены конкретные данные, подтверждающие риск, сведения о личности, доводы защиты и причины, по которым менее строгая мера не обеспечивает целей процесса. При продлении меры суду следует оценивать ход расследования: какие действия уже выполнены, какие еще необходимы и почему прежние риски продолжают существовать.

Запрет определенных действий нуждается в более четком разграничении. Закон должен последовательно отделять его как самостоятельную меру пресечения от отдельных запретов, которые применяются в связи с залогом или домашним арестом. Сейчас эти конструкции нередко воспринимаются как взаимозаменяемые, что затрудняет оценку фактического объема ограничения.

Для домашнего ареста следует закрепить требование конкретности правового режима. Суд должен определять место нахождения лица, допустимые выходы, возможность обращения за медицинской помощью, порядок связи с адвокатом, следователем и судом. Чем менее определен судебный акт, тем выше риск, что реальные пределы ограничения будут установлены не судом, а органом, осуществляющим контроль за исполнением меры.

При наложении ареста на имущество требуется более строгая имущественная соразмерность. В судебном решении должны быть указаны предполагаемый размер обеспечиваемого взыскания, принадлежность имущества, его связь с обвинением или возможной конфискацией, а также последствия ареста для третьих лиц. Если цель может быть достигнута запретом отчуждения без изъятия имущества либо арестом в пределах определенной суммы, более жесткое ограничение нуждается в самостоятельном обосновании.

Заключение

Уголовно-процессуальное принуждение допустимо только как обеспечительный механизм уголовного судопроизводства. Его нельзя смешивать с наказанием, профилактикой преступности или способом усиления позиции обвинения. Публичный характер уголовного процесса объясняет необходимость принудительных средств, но не отменяет обязанности государства обосновывать каждое ограничение прав личности.

Действующее законодательство содержит значимые гарантии: судебный порядок применения наиболее строгих мер, перечень оснований, учет данных о личности, возможность обжалования действий и решений органов расследования. Основная проблема связана не с отсутствием этих гарантий как таковых, а с их формальным применением. Общие ссылки на тяжесть обвинения, повторение стандартных формулировок о рисках, поверхностная проверка альтернативных мер и слабое внимание к доводам защиты снижают качество судебного контроля.

Дальнейшее развитие института уголовно-процессуального принуждения должно идти по пути большей определенности и более строгой мотивировки. Необходимы общее правило о минимально необходимом ограничении, точное регулирование момента фактического задержания, конкретизация запретов при домашнем аресте и запрете определенных действий, а также усиление защиты собственников и третьих лиц при аресте имущества. Такие изменения не ослабляют публичный интерес. Напротив, они позволяют отделить правомерное процессуальное обеспечение от избыточного вмешательства, которое не укрепляет правосудие, а снижает доверие к нему.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52, ч. I. Ст. 4921.
3. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 29. Ст. 2759.
4. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста: федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 17. Ст. 2421.
5. О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 4.
6. О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 7.
7. По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2005 г. № 4-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 14. Ст. 1271.
8. По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Костромина: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2018 г. № 12-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 14. Ст. 2027.
9. По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В.А.

Шевченко и М.П. Эйдлена: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г. № 25-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 44. Ст. 6128.

10. Азаров В. А. Феномен уголовно-процессуального принуждения: полемические заметки // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. № 1. С. 15-26.

11. Россинский С. Б. Институт «in flagranti delicto» (подозреваемый застигнут с поличным): какова правовая природа его современного воплощения? // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2024. Т. 29, № 1. С. 160-171.

12. Иванова О.Г. Уголовно-процессуальное производство по избранию судом меры пресечения: монография. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2019. 176 с.

13. Андроник Н.А. Меры пресечения, избираемые судом по ходатайству органов предварительного расследования: проблемы правоприменения и законодательного регулирования: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Екатеринбург, 2022. 222 с.

14. Андреева О.И., Зайцев О.А., Епихин А.Ю. Запрет определенных действий как новая мера обеспечения безопасности личности в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 225–229.

15. Филимонова М.Д. Мера пресечения в виде запрета определенных действий: практика применения и направления совершенствования // Журнал юридических исследований. — 2024. № 4. С. 129-133.

16. Каштанова А. О. Становление и развитие меры пресечения в виде домашнего ареста в истории России // Юридический вестник ДГУ. 2023. Т. 45, № 1. С. 139-143.

17. Искандиров В.Б. Наложение ареста на имущество в уголовном процессе России: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Челябинск, 2012. 22 с.

CRIMINAL PROCEDURAL COERCION IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS: LIMITS OF ADMISSIBILITY AND GUARANTEES OF INDIVIDUAL RIGHTS

Gasanova Zamira Gadzhimuradovna

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
Law Institute, Dagestan State University,
Makhachkala, Russian Federation

Bagatyrov Akhmedkhan Magomedtagirovich

Master's student,
Law Institute,
Dagestan State University,
Makhachkala, Russian Federation

Abstract. The article examines criminal procedural coercion as a statutory system of measures used to secure criminal proceedings while restricting constitutional rights of the individual. The study addresses detention of a suspect, preventive measures, judicial control, house arrest, prohibition of certain actions and seizure of property. Particular attention is paid to the circumstances that must substantiate the necessity of interference and to the reasons why the mere fact of criminal prosecution cannot be treated as sufficient. The authors argue that the admissibility of procedural coercion depends not only on a formal basis in the Criminal Procedure Code, but also on verification of an actual procedural risk, individual circumstances of the case, proportionality of restriction and continued necessity of the measure throughout its application. The article proposes to clarify the moment of factual detention in criminal procedural law, establish a general standard of minimally necessary restriction, strengthen requirements for judicial reasoning and specify rules for property restrictions.

Key words: criminal procedure, criminal procedural coercion, preventive measures, detention of a suspect, custody, house arrest, prohibition of certain actions, seizure of property, judicial control, individual rights.

References

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993: with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014. № 31. Art. 4398.
2. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law № 174-FZ of December 18, 2001 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. № 52, part I. Article 4921.
3. On the detention of suspects and those accused of committing crimes: Federal Law № 103-FZ of July 15, 1995 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1995. № 29. Art. 2759.
4. On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regarding the Selection and Application of Preventive Measures in the Form of a Ban on Certain Actions, Bail and House Arrest: Federal Law № 72-FZ of April 18, 2018 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2018. № 17. St. 2421.
5. On the practice of court consideration of complaints in accordance with Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 10, 2009. № 1 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2009. № 4.
6. On the practice of consideration by courts of petitions for investigative actions related to the restriction of constitutional rights of citizens: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the

Russian Federation dated June 1, 2017. № 19 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2017. № 7.

7. In the case of the review of the constitutionality of a number of provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regulating the procedure and timing of the use of detention as a preventive measure: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 22, 2005. № 4-P // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2005. № 14. Art. 1271.

8. In the case of the review of the constitutionality of parts one and three of Article 107 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen S.A. Kostromin: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 22, 2018 № 12-P // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2018. № 14. Art. 2027.

9. In the case of the review of the constitutionality of the provisions of parts three and nine of Article 115 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaints of the limited liability company Aurora Low-rise Construction and citizens V.A. Shevchenko and M.P. Eidlen: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated October 21, 2014. № 25-P // Assembly legislation of the Russian Federation. 2014. № 44. Art. 6128.

10. Azarov V. A. The phenomenon of criminal procedural coercion: polemical notes // Siberian criminal procedural and criminalistic readings. 2024. № 1. P. 15-26.

11. Rossinsky S. B. Institute «in flagranti delicto» (suspect caught red-handed): what is the legal nature of its modern incarnation? // Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2024. Vol. 29, № 1. P. 160-171.

12. Ivanova O.G. Criminal procedural proceedings on the election of a preventive measure by the court: monograph. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2019. 176 p.

13. Andronik N.A. Preventive measures chosen by the court at the request of the preliminary investigation bodies: problems of law enforcement and legislative regulation: dissertation for the degree of Candidate of Law. Yekaterinburg, 2022. 222 p.

14. Andreeva O.I., Zaitsev O.A., Epikhin A.Yu. Prohibition of certain actions as a new measure to ensure personal security in criminal proceedings // Bulletin of Tomsk State University. 2018. № 436. P. 225-229.

15. Filimonova M.D. Preventive measure in the form of prohibition of certain actions: practice of application and directions of improvement // Journal of Legal Research. 2024. № 4. P. 129-133.

16. Kashtanova A.O. The formation and development of a preventive measure in the form of house arrest in the history of Russia // Legal Bulletin of DSU. 2023. Vol. 45, № 1. P. 139-143.

17. Iskandirov V.B. Seizure of property in the criminal process of Russia: abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Law. Chelyabinsk, 2012. 22 p.